

УДК 343.13

**И ВНОВЬ О ЦИФРОВИЗАЦИИ
УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА****Елена Александровна Зайцева**

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, zaitceva-expert@rambler.ru

Аннотация. В статье анализируются основные этапы цифровизации уголовного судопроизводства, прослеживаются тенденции и итоги реализации федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России» на 2007—2011 гг., которая заложила правовую основу и обозначила основные направления цифровизации именно в судебной системе российского государства. Показана роль информационно-коммуникационных ресурсов для обеспечения работы судов, продемонстрирована практика цифровизации уголовного судопроизводства в Республике Казахстан. Обращено внимание на потребность разработки Единой стратегии цифровизации всех видов судопроизводства на одной цифровой платформе — для синхронизации этих процессов, совместимости программного обеспечения и оборудования, используемого в различных ведомствах, органах, службах. Затронута проблема использования технологии искусственного интеллекта в экспертной практике и в деятельности судов. Аргументирован вывод о незаконности практики подготовки текстов приговоров с помощью технологии искусственного интеллекта в отсутствие нормативной основы такой практики, разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, а также специально ориентированной на нужды судебной системы платформы для оформления судебных решений.

Ключевые слова: цифровизация уголовного судопроизводства, телекоммуникационные технологии, дистанционные следственные действия, технологии искусственного интеллекта

Для цитирования: Зайцева Е. А. И вновь о цифровизации уголовного судопроизводства // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. № 4 (75). С. 127—132.

ON DIGITALIZATION OF CRIMINAL PROCEEDINGS ONCE MORE**Yelena Aleksandrovna Zaitseva**

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, zaitceva-expert@rambler.ru

Abstract. This article analyzes key stages of digitalization of criminal proceedings, traces trends and results of the implementation of the federal target program "Development of the judicial system of Russia" in 2007—2011, which laid the legal foundation and outlined the main directions of digitalization in the judicial system of the Russian state. The author shows the role of information and communication resources in supporting the courts functioning and presents the experience of digitalization of criminal proceedings in the Republic of Kazakhstan. The article highlights the need to develop a Unified strategy for digitalizing all types of legal proceedings on a united digital platform to synchronize these processes and ensure the compatibility of software and equipment used in various departments, bodies, and services. The issue of using artificial intelligence technology in forensic practice and in the court activity of is touched. The author substantiates the conclusion that the practice of preparing verdict texts by using artificial intelligence technology is illegal because of the absence of a regulatory base for such a practice, clarifications from the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, as well as a platform for the processing of court decisions specifically oriented to the needs of the judicial system.

Keywords: digitalization of criminal proceedings, telecommunication technologies, remote investigative actions, artificial intelligence technologies

For citation: Zaitseva Ye. A. On digitalization of criminal proceedings once more. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 127—132, 2025. (In Russ.).

Уголовно-процессуальная наука всегда реагирует на запросы практики, выверяя с ее потребностями основные направления научных исследований. Последнее десятилетие устойчиво характеризуется повышенным интересом к проблематике использования цифровых технологий во всех сферах жизни нашего общества — это данность современного бытия, которую не может игнорировать и наука уголовного процесса. Потому публикации на тему «цифры» в уголовно-процессуальных источниках стали весьма частыми, и «не пишет об этом только ленивый». Само собой разумеется, что указанная проблематика стала довлеть и на научно-представительских мероприятиях, задавая вектор дискуссии и предопределяя спектр интересов выступающих на разных площадках докладчиков.

При этом хотелось бы обратить внимание на то, как со временем усложняется проблемное поле, связанное с использованием цифровых технологий в уголовном судопроизводстве. Изначально их потенциал оценивался авторами сквозь призму применения дистанционного формата участия субъектов уголовно-процессуальных отношений в заседаниях судов посредством информационно-коммуникационных систем (далее — ИКС), чему в немалой степени способствовало принятие в свое время федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России» на 2007—2011 г., предусматривавшей многовекторное развитие цифровых технологий для нужд судебного ведомства: создание единой информационной системы судов и Федеральной службы судебных приставов¹; организацию электронного архива Конституционного Суда Российской Федерации (далее — КС РФ) и создание ИКС КС РФ; формирование государственной автоматизированной системы «Правосудие» и интегрирование с ней ИКС Верховного Суда Российской Федерации (далее — ВС РФ) «Правосудие»; создание телекоммуникационной инфраструктуры, обеспечивающей взаимодействие

арбитражных судов², судов общей юрисдикции и Судебного департамента при ВС РФ. Как видим, основной акцент в указанной программе был сделан прежде всего на цифровых коммуникациях, что вполне объяснимо, в первую очередь, масштабами российского государства, задающими устойчивый вектор развития дистанционных технологий. Ценность такого формата участия была со всей очевидностью подтверждена в период ковидных ограничений.

По мере развития этих трендов стала четче осознаваться потребность в создании оцифрованных архивов и всего делопроизводства — это диктовалось самой логикой дистанционного формата судопроизводственных процедур любой отраслевой принадлежности. Наличие позитивного опыта соседних государств позволяло уяснить основные направления реализации этой глобальной реформы и выявить их потенциал для российской правовой системы. Например, в Республике Казахстан с 2017 г. на основании Закона РК «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты по вопросам модернизации процессуальных основ правоохранительной деятельности»³ осуществляется поэтапно внедрение цифровых технологий в уголовное судопроизводство, что предусматривает возможность на основании мотивированного постановления лица, осуществляющего досудебное производство, использовать модуль «Электронное уголовное дело», значительно облегчающий ведение следственного производства и ознакомление с материалами уголовного дела заинтересованных лиц. По состоянию на май 2023 г. отмечается дополнение данного модуля эффективными приложениями: «ЕРДР Оффлайн», которое позволяет в дистанционном режиме осуществлять фиксацию в Едином реестре досудебных расследований хода следственных действий вне рабочего места следователя; «Е-сараптама», с помощью которого следователь может дистанционно назначать судебные экспертизы и получать результаты проведенных экспертных исследований; «Е-заң көмегі», которое

¹ По этому поводу мы ранее писали, что было бы разумным параллельно с этим шагом разработать на федеральном уровне Единую информационно-телекоммуникационную систему органов прокуратуры и суда — на основе технических каналов видео-конференц-связи, системы ГАС «Правосудие», с последующим подключением сходных систем территориальных органов внутренних дел [1, с. 115].

² Об успехах внедрения достижений цифровизации в системе арбитражных судов очень подробно пишет А. Р. Шарипова [2, с. 41—44].

³ О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам модернизации процессуальных основ правоохранительной деятельности: закон Республики Казахстан от 21 декабря 2017 г. № 118-VI. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35167041 (дата обращения: 31.10.2025).

облегчает следователю приглашение адвоката по назначению в режиме онлайн¹.

Подобный опыт необходимо детально изучать и с учетом его позитивности и результативности разрабатывать отечественное программное обеспечение (далее — ПО), позволяющее в режиме существования различных видов тайн, вовлеченных в уголовное судопроизводство, гарантировать сохранность информации при соблюдении установленных уголовно-процессуальным законом прав участников уголовного процесса².

Однако необходимо отдавать себе отчет в том, что уголовное судопроизводство является одним из важных направлений правоприменительной деятельности государственных органов России, что аналогичные потребности существуют и в других видах юрисдикционной деятельности. А это актуализирует разработку Единой стратегии цифровизации всех этих видов на одной цифровой платформе — для синхронизации указанных процессов, совместимости ПО и используемого в различных ведомствах, органах, службах оборудования. При этом критически важным видится обеспечение всех компонентов указанной системы отечественным ПО и оборудованием — в условиях санкционного давления и проблем реализации информационной безопасности. Использование разработок зарубежных специалистов в этой непростой обстановке грозит рисками получения ПО с «защитами» в них уязвимостями, что само по себе чревато непредсказуемыми последствиями в сфере обеспечения кибербезопасности функционирования крупных цифровых платформ.

Кроме того, весьма значимым с точки зрения вопросов цифровизации уголовного судопроизводства выступает внедрение в уголовно-процессуальную деятельность технологий искусственного интеллекта (далее — ИИ). Справедливости ради отметим, что данная проблематика в последние годы привлекает внимание многих ученых-правоведов применительно к различным аспектам уголовно-процессуального познания, экспертной деятельности. Так, Е. Р. Россинская разрабатывает

концептуальные основы частной теории цифровизации судебно-экспертной деятельности [4; 5], где отдельным блоком выступает исследование возможностей использования ИИ с позиций в том числе потенциальных рисков такого внедрения [6].

Профессор Е. Р. Россинская верно акцентирует внимание на опасностях преувеличения возможностей ИИ в совокупности с игнорированием проблем корректности функционирования моделей, которые должны обучать конкретные субъекты, обладающие значительными знаниями в области IT-технологий и конкретных видов интеллектуальной деятельности (например, экспертной) [6, с. 157], ведь правильность решения задач посредством технологий ИИ (в частности, нейросетей) зависит не только от качества разработки соответствующих цифровых моделей, алгоритмов, но и от полноты и достоверности информации, которая должна быть сосредоточена в тематических базах данных датасетов [5, с. 28], а также от корректности самообучения тех или иных программ. Вместе с тем решение указанных масштабных задач требует участия специалистов соответствующей квалификации, совмещающих в себе познания из различных областей (по сути, речь идет о «редчайших экземплярах» сведущих лиц). И это только одна из проблем, подлежащих решению, на наличие которых обращает внимание профессор Е. Р. Россинская. Существуют и препятствия межведомственного взаимодействия, противоречивости методик различной ведомственной принадлежности и ряд других организационных препон, касающихся реализации идеи широкого внедрения ИИ-технологий в судебно-экспертную деятельность [5, с. 29].

Изучение отдельных свойств ИИ, выделенных на основе анализа О. Г. Дьяконовой (способность к самообучению; наличие определенной степени автономности) [7, с. 55], также высвечивает проблемное поле, демонстрирующее уязвимости технологий ИИ с точки зрения достоверности получаемой на их основе доказательственной информации.

Однако, несмотря на обозначенные очевидные риски, Е. Р. Россинская отмечает тревожную тенденцию в бесконтрольном использовании нейросетей при производстве экспертиз негосударственными экспертами [5, с. 29], что в условиях традиционного доверия правоприменителей к выводам судебной экспертизы чревато негативными последствиями для правильного разрешения уголовных дел на основе подобных, сомнительных заключений судебных экспертов.

¹ Цифровизация уголовного процесса // Сайт Акмата Есильского района Акмолинской области. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/aqmola-esil/press/article/details/124877?lang=ru> (дата обращения: 30.10.2025).

² Как это организовано в Республике Казахстан, где участники уголовного процесса могут через личный кабинет получить доступ к дозволенным (с учетом их статуса) документам для ознакомления, подать соответствующие жалобы, отводы и ходатайства (см.: [3, с. 129]).

Проблемы внедрения технологий ИИ в юрисдикционную деятельность нашли отражение и в судебной практике, что недавно стало достоянием юридической общественности. В частности, Судебная коллегия по уголовным делам Краснодарского краевого суда 21 августа 2025 г. вынесла апелляционное определение по жалобе осужденного Ф. и его защитника — адвоката А. М. Войстриковой, адвокатов К. В. Горишнего и А. В. Аванесяна в интересах осужденного В. на приговор Ейского городского суда Краснодарского края, которым Ф. был осужден по пп. «а», «в» ч. 5 ст. 290 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. Главный аргумент защиты — использование в тексте приговора суда технологий ИИ (автогенерации), наличие которых адвокаты подтверждали ссылкой на заключение специалиста-лингвиста. Лингвист утверждал, что приговор содержит смешение стилей, выявил несоблюдение жанровых особенностей текста приговора, отметил неуместность употребления ряда лексем, «пустую массивность текста», «бессмысленные» и «неестественные» конструкции. Как утверждают в многочисленных публикациях в СМИ, адвокат-защитник обратил внимание на «места в приговоре, где суд называет адвокатов „целой плеядой защитников“». Странным также показался фрагмент, где суд пишет, что подсудимые „чудесным образом“ участвовали в проверках, несмотря на „прекрасно организованный и подтвержденный распоряжением ГУ МВД по Краснодарскому краю зональный контроль“, „о котором суду поведала свидетель защиты“. Давая оценку одному из подсудимых, суд характеризует его как „решительное должностное лицо“»¹.

Автору настоящих строк приходилось в педагогической деятельности сталкиваться с похожими признаками при проверке письменных работ обучающихся. Факт использования сгенерированного ИИ текста в этом случае подтверждался при загрузке файла письменной работы в систему «Антиплагиат». Полагаем, специалист-лингвист вполне мог выявить путем профессионального анализа текста те самые признаки, которые указывают на использование технологий ИИ. Поэтому мы бы не оспаривали утверждение стороны защиты, подкрепленное авторитетным мнением лингвиста.

Тем не менее апелляционная инстанция не стала учитывать этот, казалось бы, формальный аспект

и привела в своем определении следующие контрдоводы: «Так, обжалуемый приговор суда изложен в ясных и понятных выражениях, в отсутствие непринятых сокращений и слов, неприемлемых в официальных документах. Выбранная судом стилистика изложения определенных умозаключений не влияет на законность принятого судом решения, не противоречит нормам Уголовно-процессуального закона РФ и постановления Пленума Верховного суда РФ от 29.11.2016 № 55 „О судебном приговоре“»².

Собственно, анализ текста определения суда второй инстанции показывает, что апелляционная инстанция сделала главный акцент на проверку допустимости, достоверности и достаточности доказательств, использованных судом для обоснования вины осужденного, на соблюдение состязательного режима исследования доказательств в присутствии сторон. Однако проверять обоснованность доводов стороны защиты об использовании фрагментов сгенерированного текста в приговоре суда апелляционная инстанция по какой-то причине не стала. При этом, зная инструментальные возможности апелляционного производства по проверке не вступивших в силу судебных решений, можем отметить, что в судебном следствии в данной инстанции не исключаются назначение судебных экспертиз и допросы специалистов.

Насколько правильной является данная позиция в условиях, когда использование технологий ИИ не регламентировано законом, когда нет соответствующего программного продукта, «заточенного» под потребности и специфику судебной деятельности, когда отсутствует адекватная наработанная судебная практика? Видится, что в этой ситуации апелляционная инстанция должна была проявить принципиальность, ведь речь идет о приговоре — акте правосудия, который должен отвечать всем высоким требованиям в части законности, обоснованности, мотивированности, справедливости и форма изложения которого должна соответствовать традиционным стандартам. Суду надлежало использовать специальные лингвистические знания для опровержения (подтверждения) доводов стороны защиты. Этот формальный аспект

¹ В кубанских приговорах появился интеллект // Коммерсантъ. 2025. 14 окт. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8120207> (дата обращения: 30.10.2025).

² Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Краснодарского краевого суда от 21 августа 2025 г. URL: https://kraevoi--krd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=case&_uid=49d12441-61b4-42f8-8099-a8550bcb82f3&_deloid=4&_caseType=0&_new=4&_doc=1&_srv_num=1&_hideJudge=0 (дата обращения: 30.10.2025).

(использование ИИ) в условиях отсутствия легитимной практики и соответствующего программного продукта подрывает доверие простых граждан к системе правосудия, а у практикующих юристов вызывает обоснованное недоумение, ведь нейросеть, использованная в данном случае, не является специализированным программным обеспечением, «обученным» для нужд правосудия, с загруженной юридической лексикой и типичными речевыми оборотами, характерными для судебных актов. Это общедоступные ресурсы, самообучающиеся ежедневно на основе данных, загруженных в Сеть. Отсюда и «качество» итогового продукта, не соответствующего традиционным представлениям о приговоре как акте правосудия. Именно поэтому апелляционная инстанция должна была проверить доводы жалобы адвоката-защитника. Практике известна жесткая позиция ВС РФ в части так называемых флеш-приговоров — решений, подготовленных на основе представленных стороной обвинения файлов с обвинительным заключением (актом), где при сопоставлении этих документов с приговором можно выявить даже совпадения в орфографических

ошибках и знаках препинания. Пленум ВС РФ в п. 8 постановления от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре» императивно сформулировал запрет: «Недопустимо перенесение в приговор показаний допрошенных по уголовному делу лиц и содержания других доказательств из обвинительного заключения или обвинительного акта без учета результатов проведенного судебного разбирательства»¹. И пока ВС РФ не обратил внимание на данную проблему в своем постановлении № 55, такие флеш-приговоры не были редкостью в уголовном судопроизводстве.

Возвращаясь к проблеме использования ИИ при подготовке текста приговора, выразим свою озабоченность данным фактом: указанным апелляционным определением Краснодарского краевого суда открывается серьезный прецедент, способствующий «наводнению» судебной практики подобными суррогатами. Думается, ВС РФ надлежит обратить внимание на эту нежелательную сторону цифровизации уголовного судопроизводства и высказать свое принципиальное мнение по указанной проблеме, выстроив судебное правоприменение в нужном русле.

1. Безмельницкая Э. О., Зайцева Е. А. Участие прокурора в судах второй, кассационной и надзорной инстанций. Волгоград: ВА МВД России, 2011. 192 с.

2. Шарипова А. Р. Концептуальные основы межотраслевой конвергенции в судебном производстве по уголовным делам: дис. ... д-ра юрид. наук. Уфа: Башкир. гос. ун-т, 2022. 503 с.

3. Синкевич В. В. Цифровизация уголовного процесса: зарубежный и отечественный опыт // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 1 (60). С. 127—136.

4. Россинская Е. Р. Концепция частной теории цифровизации судебно-экспертной деятельности // Вестник экономической безопасности. 2022. № 5. С. 173—178.

5. Россинская Е. Р. Система теории цифровизации судебно-экспертной деятельности // Теория и практика судебной экспертизы. 2024. Т. 19, № 3. С. 20—32.

1. Bezmelnitsyna E. O., Zaitseva Ye. A. Prosecutor's participation in the courts of second, cassation and supervisory instances. Volgograd: Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia; 2011: 192. (In Russ.).

2. Sharipova A. R. Conceptual foundations of inter-sectoral convergence in judicial proceedings on criminal cases. Dissertation of doctor of juridical sciences. Ufa: Bashkir State University; 2022: 503. (In Russ.).

3. Sinkevich V. V. Digitalization of criminal proceedings: foreign and domestic experience. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 127—136, 2022. (In Russ.).

4. Rossinskaya Ye. R. Concept of a particular theory of the digitalization of forensic expert activity. Bulletin of economic security, 173—178, 2022. (In Russ.).

5. Rossinskaya Ye. R. The system of digitalization theory of forensic activity. Theory and practice of forensic science, 20—32, 2024. (In Russ.).

¹ О судебном приговоре: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 г. № 55 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2017. № 1.

6. Россинская Е. Р. Искусственный интеллект в судебной экспертизе: между инновациями и рисками // Технологии XXI века в юриспруденции: материалы седьмой междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 5 июня 2025 г.). Екатеринбург: Центр содействия развитию криминалистики «КримЛиб», 2025. С. 155—161.

7. Дьяконова О. Г. К вопросу о понятии технологий искусственного интеллекта // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 3 (115). С. 52—63.

Зайцева Елена Александровна,

профессор кафедры уголовного процесса
учебно-научного комплекса
по предварительному следствию
в органах внутренних дел
Волгоградской академии МВД России,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник
высшей школы Российской Федерации;
zaitceva-expert@rambler.ru

6. Rossinskaya Ye. R. Artificial intelligence in forensic examination: between innovations and risks. In: Technologies of the 21st century in jurisprudence. Materials of the Seventh international scientific and practical conference, 5 June 2025, Yekaterinburg. Yekaterinburg: Criminalistics development support Centre "CrimLib.info"; 2025: 155—161. (In Russ.).

7. Diyakonova O. G. On the issue on the concept of artificial intelligence technologies. Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), 52—63, 2024. (In Russ.).

Zaitseva Yelena Aleksandrovna,

professor at the department of criminal law
of the educational and scientific complex
for preliminary investigation
in the Interior bodies
of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
doctor of juridical sciences, full professor,
honored worker
of the higher school of the Russian Federation;
zaitceva-expert@rambler.ru

Статья поступила в редакцию 20.09.2025; одобрена после рецензирования 30.09.2025; принята к публикации 17.11.2025.

The article was submitted 20.09.2025; approved after reviewing 30.09.2025; accepted for publication 17.11.2025.

* * *